

Вячеслав Бутусов, лидер группы «Ю-Питер»:

Общаюсь с сыном с удовольствием

Как все рокеры перестроечной закалки, Вячеслав Бутусов чрезвычайно строг и решителен. Он сам прикрыл легендарный «Наутилус Помпилиус», чтобы в 2001-м создать группу «Ю-Питер». Однако новые хиты Бутусова — «Песня идущего домой» и «Девушка по городу» не сравнить с «Я хочу быть с тобой», «Скованные одной цепью», «Одинокая птица». Понимая это, 21 июля в саду «Эрмитаж» Вячеслав спел и то, и другое, и третье (пять песен группы «Кино»).

Кинчев только крепчает

— Начну неоригинально. Что-то новое исполните?

— Оригинального не покажем ничего. Мы в этом смысле люди инертные. Довели себя до такого в хорошем смысле расслабления, что решили дождаться коллективного просветления. Вот тогда мы по-честному, с хорошим настроением сделаем какую-нибудь выдающуюся программу. Нам сейчас необходимо создать лицевой материал, которым бы «Ю-Питер» убедительно о себе заявил.

— Что же вы 5 лет не подавали голоса?

— Что-то надо было делать, и мы барахтались. Меня не устраивает то, что было до сей поры. Это такая инфантильная разминка. Причем непростительная.

— Почему тогда так запросто отказались от супербренда?

— Не видел перспектив развития. Я понимал, что «Наутилусу» предложат больше — от коммерческих вечеринок до всемирного тура, но кто-то должен был нести за это ответственность. У меня не хватило бы сил. Просто физически. Несколько раз я поддавался молодущим настроениям, шел на аферы и очень мерзко себя после этого чувствовал. Все-таки даже в моем сознании, хотя я в течение 20 лет видел все изнутри, «Наутилус» — какое-то эйфорическое существо. Нечто такое беспечное, не отягощенное опытом. Этого не вернуть, но люди-то лишь этого и хотят.

Самый легкий способ — взять и вернуться. Можно сохранить этот бренд, но только на другом качественном уровне... Слава Богу, остались какие-то записи, и в них есть та степень откровенности, которую специально не придумаешь. Я могу приукрасить продукт, довести его до высокого потребительского уровня, но быстрое удовольствие уже вряд

ли получу. Поэтому не надо ничего возобновлять. Так на душе будет легче.

— У кого из артистов в России встречаете столь же честный подход к работе?

— Я вижу, как добросовестно работает Костя Кинчев. Мне кажется, он порой взваливает на себя непосильную ношу. Но практика и время докажут, что каким-то странным образом Костя выдюживает. Не надрывается, а, наоборот, крепчает. Могу ему только позавидовать.

20 лет борюсь с поповостью

— От каких ошибок в «Ю-Питере» вас уберег опыт, полученный в «Наутилусе»?

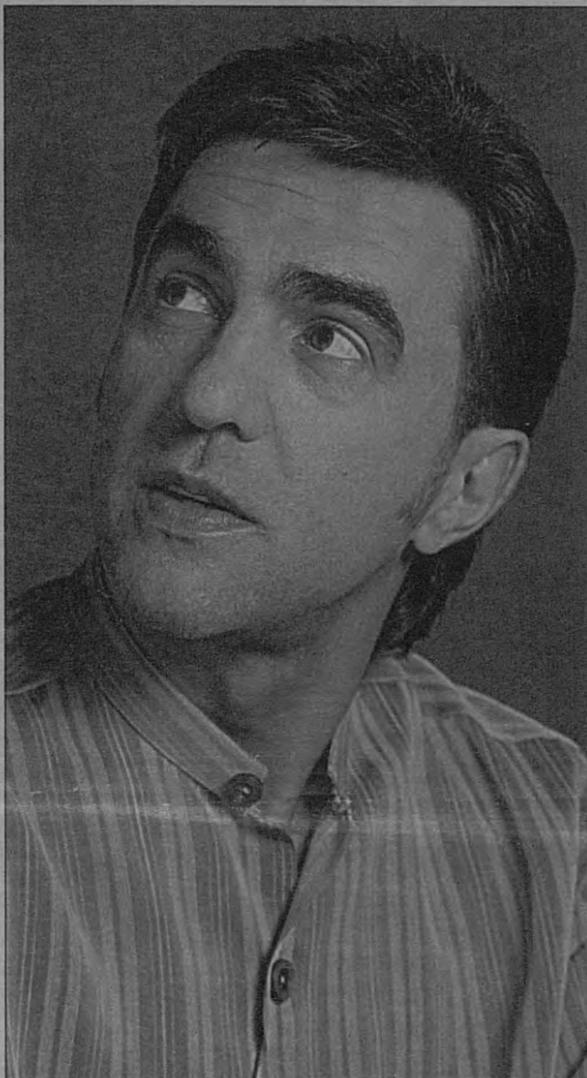
— Пока ни от каких. Но я очень хочу, чтобы в нашем коллективе все строилось на открытости. Кажется мне, все проблемы оттого, что мы играем друг с другом. Я жду того момента, когда мы притремся и у нас будет такой уровень взаимодействия, когда не нужно будет долго и сложно объясняться. Чтоб мы друг друга понимали с полуслова.

— Принимаете критику по поводу неправомерного исполнения песни Цоя?

— Это же не критика, а юриспруденция. У меня, видимо, очень близко расставлены уши: все это пролетает мимо.

— А укеры в поповости «Ю-Питера»?

— Они обоснованны. Я сам с этим воюю. 20 лет борюсь с внутренним ощущением французских частушек. И не могу это изжить. Вся эта быдловатость происходит от недовоспитанности. Плесень очень быстро начинает по-хамски вести себя внутри человека. Не успеешь заметить, как это все лезет из тебя, как из брандспойта. А когда самому не хватает терпения, когда глаза уже жгут и ты ничего не видишь, на то есть близкие. Нужно им просто доверять. Даже если это очень сильно клещет по наше-

Что-то надо было делать, и мы барахтались. Меня не устраивает то, что было.

му воспаленному самолюбию, слова родных — лучший способ определить, насколько в тебе все запущено. Чем кислее становится от их высказываний, тем хуже обстоит дело.

— Самый тяжелый период между распадом «Наутилуса» и образованием «Ю-Питера» уже преодолели?

— Очень хочется надеяться, что самое про-

тивное позади. Это было время, когда я нагнетал в себе искусственную обстановку. Убеждал себя: «Все будет нормально. Настолько все сейчас опротивело, что хуже быть не может». На этом трамплине я вылетел, и у меня было легкое повторение эйфории. Но длилось недолго. После наступил совершенный мрачнюк. Я стал бесчувственным, невосприим-

чивым, то есть попросту тупым. Начал ощущать беспокойство на уровне опасности. Сначала физической, потом — психологической. Вовремя понял, что так недолго и окаменеть. Тогда я стал общаться с друзьями, начал по-настоящему дорожить отношениями. Слава Богу, этот период закончился.

Я ожил, когда сын родился

— Что изменилось после разговора с Сурковым, с которым вы встречались в числе других рокеров?

— Ничего. Даже из того, о чем говорили. Если я правильно понял акцент той встречи, то он сводился к мысли: «Господа артисты, обратите внимание на потребности нашего запущенного государства. Даже людям в правительстве становится боязно оттого, какие социальные процессы происходят в обществе, которым они руководят».

Что их пробило, меня порадовало. Но меры, которые предлагались, касались в основном СМИ. Я же, как человек, живущий своим практическим умом, понимаю: большинство СМИ — дудочка, за которой нас призывают следить, отвлекая таким образом от чего-то важного... От бесконечного пережевывания можно одуреть. Я сразу вспоминаю «Завтрак нагишом», где все висят с трубочками на подсосе. А еще анекдот про ежика. В студенческие времена мы любили его рассказывать на военной кафедре. На мой взгляд, он и сейчас очень жизненный: «Однажды утром ежик проснулся. Забыл, как дышать, и умер». Мы уже в состоянии понять, что даже не заметим, как разучимся дышать.

— Ваша жизнь — сплошной тур. Да и мест жительства вы сменили немало. Какой город считаете своим?

— До 15 лет я прожил

в Красноярске. Уезжал оттуда с большим трудом, но в Екатеринбурге очень быстро влился в активный поток студенчества. Этот город — моя музыкальная вотчина, там прошли самые счастливые годы молодости. А вот Петербург дался с трудом. За 15 лет, пока там живу, только в последние два года стал ощущать его как вторую или третью родину. А до этого все время был в напряжении, что мне надо землю грызть. Процесс обживания был очень болезненным, я старался не испортить отношения с этим городом. Видимо, мне надо было пережить срок, отведенный для проверки на вшивость. Все-таки есть в Петербурге какая-то неестественная суровость. Но мне грех жаловаться: я в острого родился и у меня оказался довольно крепкий организм...

Москву же я воспринимаю как нечто совершенно отдельное. Она не подходит ни под какую категорию города.

— После трех дочерей маленький сын преподносит сюрпризы?

— Всё, начиная с его рождения, для меня большая неожиданность. По закону ритмики пространства ты терпеть будительность постепенно: первый и второй столб еще замечаешь, а когда они выстраиваются в вереницу, уже перестаешь обращать на них внимание. И вдруг появляется что-то совершенно другой природы, и тебя это будоражит. Я просто ожил, когда родился Данила.

— Ему уделяете достаточно внимания?

— Да, и это наводит меня на печальные мысли. Я тут же смотрю на дочерей и в сравнении понимаю, насколько небрежно относился к Анне. Чуть более внимательно к Ксении и еще более — к Софье. Поэтому сейчас общаюсь с сыном помногу и с удовольствием.

■ Ольга Сабурова.